

арбитражной практики ВЕСТНИК №5 2012

Обзоры • Комментарии • Информация

Конференция
по процессуальному
праву

Виндикация
похищенного
имущества

Субсидиарная
ответственность

Исключение
недействующего лица
из ЕГРЮЛ

Контроль и надзор
в строительстве

Расходы
на представителя

Обзор постановлений
Президиума ВАС РФ

Итоги работы ФАС МО

Новости образования
и науки

Деятельность
Ассоциации юристов
России

Встречи и обсуждения

Назначения судей

Вестник

арбитражной практики
№5(42) 2012

ИЗДАЕТСЯ С ДЕКАБРЯ 2005 Г.
ВЫХОДИТ ОДИН РАЗ В ДВА МЕСЯЦА

УЧРЕДИТЕЛИ

Юридический факультет МГУ имени
М.В. Ломоносова

Московское региональное отделение
Ассоциации юристов России

ЗАО «Юридический Дом «Юстицинформ»

РЕДАКЦИЯ, ИЗДАТЕЛЬ, РАСПРОСТРАНТЕЛЬ

ЗАО «Юридический Дом «Юстицинформ»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Вайпан В.А.

Ученый секретарь Научно-консультативного
совета при Арбитражном суде
города Москвы, к.ю.н.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Антошин А.Н.

Профессор кафедры гражданско-правовых
и уголовно-правовых дисциплин Российской
международной академии туризма

Арифюлин А.А.

Профессор кафедры гражданского процесса
Российской академии правосудия

Бондарь Н.С.

Судья Конституционного Суда
Российской Федерации, д.ю.н.

Голиченков А.К.

Декан Юридического факультета МГУ
имени М.В. Ломоносова, д.ю.н.

Малешин Д.Я.

Заместитель декана Юридического
факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, к.ю.н.

Мозолин В.П.

Заведующий кафедрой гражданского
и семейного права МГЮА, д.ю.н.

Платонов В.М.

Председатель Московской Городской Думы

Свириденко О.М.

Председатель Федерального арбитражного
суда Центрального округа, к.ю.н.

Треушников М.К.

Заведующий кафедрой гражданского
процесса Юридического факультета МГУ
имени М.В. Ломоносова, д.ю.н.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Иванов М.Г.

Заместитель генерального директора
компании «КонсультантПлюс»

Кудрявцева О.И.

Заместитель главного редактора Вестника

Прошин В.В.

Генеральный директор ЗАО «Юстицинформ»

СОДЕРЖАНИЕ

- 3** Ежегодная конференция
Международной Ассоциации
по процессуальному праву

ПРОБЛЕМЫ ПРАВООПРЕДЕЛЕНИЯ

- 5 Уруков В.Н.**
Виндикация похищенного
у собственника имущества путем
заключения гражданско-правовой
сделки: отдельные вопросы теории
и практики
- 13 Пирогова Е.С., Жукова Ю.Д.**
Обеспечение эффективности
правового регулирования
субсидиарной ответственности
контролирующих лиц: перспективы
развития законодательства
о банкротстве
- 25 Богомолов А.А.**
Об исключении недействующего
юридического лица из Единого
государственного реестра
юридических лиц
- 32 Ершов О.Г.**
Контроль и надзор заказчика за
выполнением строительных работ
- 38 Колесниченко Т.В.**
Проблемы доказывания
обоснованности расходов
на оплату услуг представителей
в арбитражном процессе

ОФИЦИАЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

- 48 Обзор постановлений Президиума
ВАС РФ по актуальным вопросам
частного права**
- 65 Статистические показатели
работы Федерального арбитражного
суда Московского округа
в 1-м полугодии 2012 года**

67 **НОВОСТИ ЮРИДИЧЕСКОГО
ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ**

72 **ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
АССОЦИАЦИИ ЮРИСТОВ
РОССИИ**

74 **ВСТРЕЧИ И ОБСУЖДЕНИЯ**

**НАГРАЖДЕНИЯ. НАЗНАЧЕНИЯ.
ПОЗДРАВЛЕНИЯ**

78 Д.И. Дедов избран судьей
Европейского суда
по правам человека

78 Назначения судей

80 **SUMMARY**

УДК 340, 342, 346, 347

НАД ВЫПУСКОМ РАБОТАЛИ:

Редактор, корректор

Галина Бирюкова

Дизайн, компьютерная верстка

Кадрия Садретдинова

25 июля 2005 г. Президиумом
Арбитражного суда города Москвы
учрежден журнал «Вестник
Арбитражного суда города Москвы»
Зарегистрирован Роскомнадзором:
ПИ № ФС77-22400 от 14.11.2005 г.
Перерегистрирован: ПИ № ФС77-37010
от 31.07.2009 г.

29 декабря 2010 г. переименован
в «Вестник арбитражной практики»

**Журнал создан и издается
при участии компании
«КонсультантПлюс»**

Адреса учредителей:

Юридический факультет МГУ

имени М.В. Ломоносова

119991, г. Москва, ГСП-1, Ленинские горы,
МГУ, 1-й корпус гуманитарных факультетов,
тел. (495) 939-29-03

**Московское региональное отделение
Ассоциации юристов России**

119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1,
стр. 51, тел. (495) 939-13-90

ЗАО «Юридический Дом «Юстицинформ»

111024, г. Москва, улица Энтузиастов 2-я,
д. 5, тел./факс (495) 232-12-42

E-mail: pravoecon@jusinf.ru; по вопросам
подписки: podpiska@jusinf.ru

Сайт: <http://www.jusinf.ru>; юстицинформ.рф

ЛР № 070363 от 05.06.97

Сдано в набор 15.10.12.

Подписано в печать 31.10.12.

Бум. офсетная. Формат 70x108/16.

Гарнитура «Журнальная».

Печать офсетная. Печ.л.5.

Отпечатано в ООО «Формула печати»

г. Москва, 121170, ул. Поклонная, д. 15

www.print-formula.ru

Заказ №

При использовании опубликованных мате-
риалов журнала ссылка на Вестник арбит-
ражной практики обязательна. Перепечатка
допускается только по согласованию с редак-
цией. Точка зрения редакции не всегда сов-
падает с точкой зрения авторов публикаций.
Ответственность за достоверность публика-
ций и информации в рекламных объявлениях
несут авторы и рекламодатели.

**© ЗАО «Юридический Дом
«Юстицинформ», 2012**

ЮРИДИЧЕСКИЙ ДОМ «ЮСТИЦИНФОРМ» —

лауреат Высшей юридической
премии «Фемида»
в номинации «Право и СМИ»
(за значительный вклад
в развитие российских
средств массовой
информации и повышение
информированности общества
о деятельности
арбитражной
системы);

лауреат Национальной премии
«Открытая книга России»
в номинации «Издательство»
(за активное участие
в развитии единого электронного
библиотечного пространства
России).

**ЕЖЕГОДНА
МЕЖДУНАРОД
ПО ПРОЦЕСС**

18—21 сентября 2012 г. впервые
ция Международной Ассоциации
of International Association of Pro
цессуалисты, как ученые, так и п
тов, представители всех правов
блемы гражданского процесса. М
Отеле 565 процессуалистов. Был
50 — российские)

С инициативой провести в России
ференцию IAPL выступил доктор
дических наук, член Правления I
Д.Я. Малешин еще в 2003 г. во врем
добной конференции в Мехико, а ок
тельное решение было принято П
диумом IAPL в 2009 г. в Торонто. Да
инициатива была поддержана выс
судами России и Ассоциацией юр
России, которые выступили нацио
ными организаторами конферен

18 сентября состоялось торжес
ное открытие конференции, на ко
выступили президент IAPL Лоик
(Loic Cadiet), председатель Высше
битражного Суда РФ Антон Иван
меститель председателя Верховно
да РФ Василий Нечаев, предсе

Елена ПИРОГОВА, Юлия ЖУКОВА

УДК 347.736

Код ВАК 08.00.10

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СУБСИДИАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ КОНТРОЛИРУЮЩИХ ЛИЦ

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О БАНКРОТСТВЕ¹

Одним из наиболее противоречивых вопросов, связанных с регулированием несостоятельности (банкротства) хозяйствующего субъекта, является вопрос о привлечении к субсидиарной ответственности лиц, имеющих возможность контролировать деятельность должника, в случае недостаточности его имущества для удовлетворения требований кредиторов. С момента внесения масштабных изменений² в нормы Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее — Закон о банкротстве), посвященных субсидиарной ответственности по долгам несостоятельной организации, прошло уже более трех лет, и в течение этого периода накопилось значительное число спорных вопросов, связанных с применением норм в обновленной редакции как в юридической науке, так и в практике арбитражных судов.

Одной из основных целей внесения изменений и дополнений в законодательство, принятия новых законов, отмены или изменения прежних является повышение эффективности действующих правовых норм, которое, в свою очередь, достигается при условии, что изменения способствуют разрешению накопившихся проблем, возникающих в процессе правоприменения, устранению пробелов, нормативной неопределенности и противоречий. Выработка эффективных механизмов привлечения к субсидиарной ответственности является одной из

приоритетных задач законодателя применительно к рассматриваемой области правоотношений, поскольку при применении норм об ответственности существенным образом затрагиваются интересы как непосредственно лиц, привлекаемых к ответственности, так и лиц, в пользу которых привлечение к ответственности осуществляется. Очевидно, что нормы, посвященные субсидиарной ответственности, установлены в первую очередь в интересах кредиторов, т.е. лиц, с которыми субъекты ответственности не состоят ни в каких обязательствен-

¹ Статья подготовлена с использованием СПС «КонсультантПлюс».

² См.: Федеральный закон от 28 апреля 2009 г. № 73-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

Пирогова Елена Сергеевна

Доцент кафедры предпринимательского права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). Специалист в области гражданского права, предпринимательского права, конкурсного права. Кандидат юридических наук.

Родилась 22 декабря 1977 г. В 2001 г. окончила МГЮА им. О.Е. Кутафина.

Автор более 20 статей, в том числе двух монографий: «Ограничение прав должников — юридических лиц при банкротстве» (2011); «Ограничение правоспособности и дееспособности юридических лиц — должников в рамках дел о несостоятельности (банкротстве)» (в соавт.) (2011).

Жукова Юлия Дмитриевна

Старший преподаватель кафедры предпринимательского права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). Специализация: предпринимательское право, корпоративное право. Основные направления научных исследований: ответственность лиц, осуществляющих управление коммерческой организацией; отдельные правовые проблемы в сфере банкротства.

Родилась 22 июля 1987 г. В 2009 г. окончила факультет права НИУ ВШЭ, в 2012 г. — аспирантуру факультета права НИУ ВШЭ.

Автор следующих трудов: «Практика применения норм об ответственности руководителей хозяйственных обществ: основные подходы к разрешению противоречий» (Вестник арбитражной практики. 2012. № 3); «Распределение бремени доказывания добросовестности и разумности поведения руководителя общества при разрешении споров о привлечении его к ответственности» (Право и экономика. 2012. № 2); «Критерии противоправности поведения руководителей при совершении ими сделок от имени юридического лица» (Вестник Федерального арбитражного суда Московского округа. 2011. № 4); «Нарушение принципа добросовестности и разумности как основание ответственности руководителей: перспективы развития законодательства» (Научная перспектива. 2011. № 9); «Вопросы гражданско-правовой ответственности контролирующих должника лиц при осуществлении мер по предупреждению его банкротства» (Актуальные проблемы современной науки. 2011. № 5); «Соглашение о санации как мера по предупреждению банкротства организации: понятие и квалифицирующие признаки» (Экономика, социология и право. 2011. № 10); «Некоторые проблемы обеспечения баланса интересов участников процесса банкротства при заключении мирового соглашения» (Международный и отечественный опыт модернизации в экономической и правовой сфере: история и современность: сб. статей междунар. науч.-практ. конф. 16 дек. 2010 г. СПб., 2011); «Правовые формы предоставления должнику финансовой помощи в целях предупреждения банкротства» (Предпринимательское право: вызовы времени. 2009. № 1).

ных отношениях. В то же время назначение данных норм состоит и в том, чтобы защитить законные интересы как самой организации, так и ее учредителей (участников): именно в этих целях необходимы механизмы, препятствующие реализации противоправных интересов недобросовестных лиц. Одним из таких механизмов и является субсидиарная ответственность лиц, которые в личных интересах могут оказывать негативное воздействие на финансовое состояние юридического лица — должника. В подобной ситуации важно достижение максимального баланса имущественных интересов кредиторов и лиц, которые потенциально могут быть привлечены к ответственности, в связи с чем представляется актуальным проанализировать и оценить ключевые изменения, принятые в период стремительного развития законодательства о банкротстве, с целью определить, имеются ли перспективы положительной динамики в регулировании ука-

занных правоотношений при выбранном варианте реформирования.

Ключевым проблемным вопросом применительно к исследуемой сфере отношений остается вопрос о том, кто и на каком основании должен нести субсидиарную ответственность при недостаточности имущества должника, признанного банкротом.

Круг лиц, подлежащих субсидиарной ответственности

Круг ответственных лиц Гражданский кодекс РФ, а вслед за ним Федеральный закон «Об акционерных обществах» (далее — Закон об акционерных обществах) и Федеральный закон «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее — Закон об обществах с ограниченной ответственностью) определяют настоящий момент следующим образом: учредители (участники) или собственники имущества и лица, имеющие право да-

вать обязательные указания для юридического лица или возможность иным образом определять его действия. Одним критерием, таким образом, является возможность контролировать деятельность организации либо в связи с наличием значительной доли в ее имуществе, либо по каким-либо другим основаниям — очевидно, подразумевается наличие управленческих полномочий. 28 апреля 2009 г. п. 4 ст. 10 Закона о банкротстве содержал формулировку, практически идентичную формулировке вышеупомянутых законов: «...в случае банкротства должника по вине учредителей (участников) должника, собственника имущества должника — унитарного предприятия или иных лиц, в том числе по вине руководителя должника, которые имеют право давать обязательные для должника указания или имеют возможность иным образом определять действия, на учредителей (участников) должника или иных лиц в случае недостаточности имущества должника может быть возложена субсидиарная ответственность по его обязательствам».

Однако после внесения изменений в данную статью, а также в ряд других статей Закона о банкротстве нормы ответственности преобразились до неузнаваемости. Прежде всего, в Закон введен термин «контролирующее лицо». Согласно ст. 2 Закона, контролирующим лицом является «...лицо, имеющее либо имевшее в течение менее чем года до принятия арбитражным судом заявления о признании должника банкротом право давать обязательные для исполнения должником указания или возможность иным образом определять действия должника, в том числе путем принуждения руководителя или членов органов управления должника либо осуществления определяющего влияния на руководителя или членов органов управления должника иным образом (в частности, контролирующим должника лицом могут быть признаны члены ликвидационной комиссии, лицо, которое в силу полномочия, основанного на довер-

вать обязательные указания для юридического лица или возможность иным образом определять его действия. Основным критерием, таким образом, является возможность контролировать деятельность организации либо в связи с наличием значительной доли в ее имуществе, либо по каким-либо другим основаниям — очевидно, подразумевается наличие управленческих полномочий. До 28 апреля 2009 г. п. 4 ст. 10 Закона о банкротстве содержал формулировку, практически идентичную формулировкам вышеупомянутых законов: «...в случае банкротства должника по вине учредителей (участников) должника, собственника имущества должника — унитарного предприятия или иных лиц, в том числе по вине руководителя должника, которые имеют право давать обязательные для должника указания или имеют возможность иным образом определять его действия, на учредителей (участников) должника или иных лиц в случае недостаточности имущества должника может быть возложена субсидиарная ответственность по его обязательствам».

Однако после внесения изменений в данную статью, а также в ряд других статей Закона о банкротстве нормы об ответственности преобразились до неузнаваемости. Прежде всего, в Закон введен термин «контролирующие лица». Согласно ст. 2 Закона, контролирующим лицом является «...лицо, имеющее либо имевшее в течение менее чем два года до принятия арбитражным судом заявления о признании должника банкротом право давать обязательные для исполнения должником указания или возможность иным образом определять действия должника, в том числе путем принуждения руководителя или членов органов управления должника либо оказания определяющего влияния на руководителя или членов органов управления должника иным образом (в частности, контролирующим должника лицом могут быть признаны члены ликвидационной комиссии, лицо, которое в силу полномочия, основанного на доверен-

ности, нормативном правовом акте, специального полномочия могло совершать сделки от имени должника, лицо, которое имело право распоряжаться пятьюдесятью и более процентами голосующих акций акционерного общества или более чем половиной долей уставного капитала общества с ограниченной (дополнительной) ответственностью)».

Формулировка нормы, на наш взгляд, позволяет предположить, что к контролирующим лицам могут быть отнесены также и лица, осуществляющие управленческие функции по отношению к должнику (руководитель, члены коллегиальных органов), несмотря на то, что напрямую в данной норме они упомянуты только как лица, на которых может быть оказано давление такими «контролирующими лицами». Едва ли при внесении изменений наличествовала цель исключить руководителей из перечня лиц, подлежащих субсидиарной ответственности. Правда, непосредственно в отношении руководителя юридического лица, признанного банкротом, в ст. 10 Закона о банкротстве введена специальная норма, устанавливающая субсидиарную ответственность за несохранность или искажение документов бухгалтерского учета и (или) отчетности (п. 5 ст. 10). Однако, несмотря на введение данной нормы, представляется, что руководитель должника может быть привлечен к субсидиарной ответственности также и в соответствии с общими нормами, установленными для контролирующих лиц: для ограничения круга ситуаций, в рамках которых руководитель мог действовать в отношении юридического лица неправомерно, попросту нет оснований. К тому же, чем с точки зрения возможностей отличается лицо, имеющее «специальное полномочие» на совершение сделок от имени должника, от того же руководителя, имеющего право выступать от имени юридического лица при совершении сделок без доверенности? Подобное разграничение было бы ничем не обосновано, поэтому разумнее исходить из того, что законодатель (при

помощи формулировки «в том числе») подразумевает возможность включения в состав контролирующих лиц также и руководство организации. Тем более что зачастую контролирующий акционер (участник) может одновременно выполнять функции единоличного исполнительного органа.

Практика применения обновленных норм Закона о банкротстве на данный момент еще весьма немногочисленна, однако если обратиться к имеющимся в нашем распоряжении судебным делам, можно заметить, что в основном в качестве контролирующих лиц пытаются привлечь к ответственности учредителей³, акционеров⁴, руководителя (в том числе бывшего)⁵, руководителя и акционера (или учредителя) в одном лице⁶, собственника имущества унитарного предприятия⁷.

Вопрос отнесения лиц, осуществляющих управленческие функции, к категории контролирующих лиц, имеет существенное значение в силу того, что ответственность контролирующих лиц в соответствии с п. 4 ст. 10 Закона о банкротстве отныне является солидарной: кредитор, таким образом, вправе взыскать денежные средства с любого лица, признанного контролирующим, в полном объеме. Дальнейший анализ норм об ответственности контролирующих лиц подтверждает необходимость определенности в вопросе о том, кто подлежит ответственности по новым правилам.

Перераспределение бремени доказывания: введение презумпции недобросовестности и неразумности

Изменились принципиальным образом и собственно нормы, устанавливающие субсидиарную ответственность, прежде всего в части оснований и условий привлечения к ответственности. Текст п. 4 ст. 10 Закона о банкротстве в последней редакции звучит следующим образом: «...контролирующие должника лица солидарно несут субсидиарную ответственность по денежным обязательствам должника и (или) обязанностям по уплате обязательных платежей с момента приостановления расчетов с кредиторами по требованиям о возмещении вреда, причиненного имущественным правам кредиторов в результате исполнения указаний контролирующих должника лиц, или исполнения текущих обязательств при недостаточности его имущества, составляющего конкурсную массу. Арбитражный суд вправе уменьшить размер ответственности контролирующего должника лица, если будет установлено, что размер вреда, причиненного имущественным правам кредиторов по вине контролирующего должника лица, существенно меньше размера требований, подлежащих удовлетворению за счет контролирующего должника лица, привлеченного к субсидиарной ответственности по обязательствам должника. Контролирующее должника лицо не

отвечает за вред, причиненный имущественным правам кредиторов, если докажет, что действовало добросовестно и разумно в интересах должника».

При этом «вред, причиненный имущественным правам кредиторов», означает «...уменьшение стоимости имущества должника и (или) изменение размера имущественных требований к должнику, а также последствия совершенных должником сделок или юридически значимых действий, приводящие к полной или частичной утрате возможности кредитора получить удовлетворение своих требований по обязательствам должника за его имущества».

В данной редакции прежде всего метна провозглашенная законодателем презумпция недобросовестности и неразумности действий контролирующих лиц. Неясно, как соотносится эта презумпция прежде всего с презумпцией добросовестности и разумности действий участников гражданского оборота, установленной ст. 10 ГК РФ. Установление обратной презумпции и возложение на них контролирующих лиц бремени доказывания разумности и добросовестности собственных действий является серьезным новшеством в развитии норм об ответственности в сфере несостоятельности (банкротства) юридических лиц, и в этом очевидно, что такой поворот бремени доказывания существенно усложняет положение лиц, объединенных законодателем в понятие «контролирующие лица». С данной проблемой тесно связана проблема определения перечня контролирующих лиц — с учетом солидарной ответственности доказывать добросовестные и разумные действия в интересах должника может быть вынужден даже тот, кто вообще не совершал никаких действий. «В таких условиях

³ Постановление ФАС Поволжского округа от 30 марта 2012 г. по делу № А65-28881/07 // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 10 мая 2011 г. по делу № А43-1797/2010 // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Постановление ФАС Дальневосточного округа от 21 июня 2012 г. № Ф03-2413/2012 по делу № А24-1960/2010; постановление ФАС Уральского округа от 26 мая 2010 г. № Ф09-3999/10-С4 по делу № А50-29301/2009; постановление ФАС Центрального округа от 11 октября 2011 г. по делу № А64-2400/09 // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 10 мая 2011 г. по делу № А43-1797/2010; постановление ФАС Дальневосточного округа от 6 апреля 2012 г. № Ф03-1209/2012 по делу № А73-2609/2011; постановление ФАС Поволжского округа от 23 ноября 2011 г. по делу № А12-13148/2010; постановление ФАС Уральского округа от 5 апреля 2010 г. № Ф09-2130/10-С4 по делу № А50-32551/2009 // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Постановление ФАС Дальневосточного округа от 23 декабря 2011 г. № Ф03-6358/2011 по делу № А59-3252/2009; постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 15 декабря 2011 г. по делу № А03-17430/2009; постановление ФАС Уральского округа от 15 сентября 2011 г. № Ф09-8344/10 по делу № А60-50643/2009; постановление ФАС Центрального округа от 13 апреля 2012 г. по делу № А62-4074/2010 // СПС «КонсультантПлюс».

⁸ Пояснительная записка к Проекту № 125-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О несостоятельности (банкротстве)” (в части введения в силу с 1 января 2012 года статьи 10.1 Закона о банкротстве)» (в части введения в силу с 1 января 2012 года статьи 10.1 Закона о банкротстве) // СПС «КонсультантПлюс».

⁹ Там же.

отвечает за вред, причиненный имущественным правам кредиторов, если докажет, что действовало добросовестно и разумно в интересах должника».

При этом «вред, причиненный имущественным правам кредиторов», означает «...уменьшение стоимости или размера имущества должника и (или) увеличение размера имущественных требований к должнику, а также иные последствия совершенных должником сделок или юридически значимых действий, приводящие к полной или частичной утрате возможности кредиторов получить удовлетворение своих требований по обязательствам должника за счет его имущества».

В данной редакции прежде всего заметна провозглашенная законодателем презумпция недобросовестности и неразумности действий контролирующего лица. Неясно, как соотносится такая презумпция прежде всего с презумпцией добросовестности и разумности действий участников гражданского оборота, установленной ст. 10 ГК РФ. Установление обратной презумпции и возложение на самих контролирующих лиц бремени доказывания разумности и добросовестности собственных действий является серьезным новшеством в развитии норм об ответственности в сфере несостоятельности (банкротства) юридических лиц, при этом очевидно, что такой поворот бремени доказывания существенно усложняет положение лиц, объединенных законодателем в понятие «контролирующие лица». С данной проблемой тесно взаимосвязана проблема определения перечня контролирующих лиц — с учетом солидарной ответственности доказывать добросовестные и разумные действия в интересах должника может быть вынужден даже тот, кто вообще не совершал никаких действий. «В таких условиях да-

же те лица, которые фактически не определяли действия организации-банкрота, но имели на это право, вероятно, будут признаваться контролирующими, и им придется доказывать свою непричастность к неплатежеспособности должника, чтобы солидарно с иными лицами не нести ответственность за то, чего они не совершали» [1, с. 1].

Согласно пояснительной записке к законопроекту, который лег в основу рассматриваемых норм, основной целью изменений, вносимых в законодательство о банкротстве в части ответственности контролирующих лиц, является «...повышение эффективности мер принуждения к исполнению обязательств перед кредиторами путем увеличения конкурсной массы должника»⁸. Как утверждают разработчики законопроекта, «...наиболее сложным вопросом является вопрос доказывания вины членов органов управления должника в банкротстве для привлечения к субсидиарной имущественной ответственности <...> В законопроекте детализируется понятие вреда для целей Закона о банкротстве и устанавливается презумпция намерения причинить вред в указанных выше случаях. Представляется, что перераспределение бремени доказывания умысла позволят защитить менее подготовленную сторону в деле о банкротстве — кредиторов. Так, управляющие должника задолго до подачи заявления знают о наступлении неплатежеспособности, что создает асимметрию информации для кредиторов в отношении возможности получения взыскания за счет имущества должника. Отсутствие действенных мер защиты имущественных требований кредиторов приводит к нарушению их прав и дестабилизации торгового оборота»⁹.

⁸ Пояснительная записка к Проекту № 125066-5 «Федеральный закон “О внесении изменений в федеральный закон “О несостоятельности (банкротстве) кредитных организаций” и Федеральный закон “О несостоятельности (банкротстве)” (в части совершенствования положений об оспаривании сделок должника при осуществлении процедур банкротства и привлечении к субсидиарной ответственности лиц, имеющих или имевших право давать обязательные указания, обязательные для исполнения должником» // СПС «КонсультантПлюс».

⁹ Там же.

Введение данного средства защиты прав кредиторов от неправомерных действий (бездействия) со стороны контролирурующих лиц является закономерным следствием сложившейся практики отказов в привлечении к субсидиарной ответственности за недоказанность вины потенциально ответственного лица — механизмы доказывания совершения таким лицом правонарушения и, в частности, его вины в его совершении, в российской законодательстве и судебной практике, действительно, не развиты, однако, многое ли меняется в плане совершенствования таких механизмов от перераспределения бремени доказывания? От того, что бремя доказывания разумности и добросовестности своих действий возложено на контролирующих лиц, в законодательстве и разъяснениях высших судебных органов не появляется эффективного механизма доказывания данных обстоятельств. Проблема просто переложена с кредиторов и конкурсного управляющего на контролирующих лиц, в то время как в плане развития возможностей доказывания ничего не изменилось.

Если согласиться с таким подходом, то под сомнение можно ставить любую предпринимательскую деятельность [2, с. 5]. Среди причин, которые могут привести к банкротству юридического лица, как правило, «...всегда есть доля вины учредителей и руководителей — в большей или меньшей степени. Любая предпринимательская деятельность — всегда риск. Если оттолкнуться от этого постулата, то учредитель (участник) и руководитель всегда должны признаваться виновными и нести ответственность за долги основного должника, т.е. отвечать по долгам юридического лица. Такой подход оказался бы неправильным и свел

бы на нет не только предпринимательскую, но и вообще любую хозяйственную деятельность. Кроме того, весь институт юридического лица утратил бы свое значение» [2, с. 7].

В литературе можно также встретить мнение, что «...недоказание привлекаемым к ответственности лицом добросовестности и разумности своих действий, совершенных в интересах должника, автоматически не может означать, что его невозможно освободить от субсидиарной ответственности. Самостоятельно установив этот факт на основании всех представленных доказательств, суд должен будет освободить от ответственности контролирующее лицо» [1, с. 4].

К настоящему моменту судебные органы, как показывает современная практика, действительно еще не готовы применять презумпцию недобросовестности и неразумности. Суды по-прежнему предлагают истцу доказать элементы состава гражданского правонарушения (противоправность, негативные имущественные последствия, причинную связь, а зачастую и вину, несмотря на презумпцию виновности, установленную ст. 401 ГК РФ) в поведении контролирующего лица¹⁰, в том числе после прямого цитирования положения Закона, устанавливающего презумпцию недобросовестности и неразумности¹¹. Суды также настаивают на необходимости выяснить, какие именно действия (бездействие) контролирующего лица повлекли банкротство должника¹².

Представляется, что о презумпции недобросовестности и неразумности допустимо говорить только после установления конкретных фактов, свидетельствующих о противоправном поведении контролирующего лица, — и эти факты должен доказывать тот, кто предъявляет

требование о привлечении к ответственности. В противном случае любая сделка повлекшая негативные экономические последствия, да и просто любое решение, принятое контролирующим лицом в преддверии банкротства, будет автоматически влечь его ответственность. Между тем субсидиарная ответственность по долгам юридического лица вне связи с правонарушением, а в силу правового статуса установлена Гражданским кодексом РФ лишь в строго определенных случаях. Совершение сделки, в том числе в преддверии банкротства, само по себе является правомерным юридическим действием, и недостаточность имущества для удовлетворения требования кредиторов не делает ее автоматически противоправным деянием. В свою очередь противоправность не может предполагаться. Однако положения Закона о банкротстве в обновленной редакции производят впечатление, что связь субсидиарной ответственности с противоправным поведением по тексту закона не лежит на поверхности.

Отсутствие необходимости устанавливать связь поведения контролирующего лица с наступлением банкротства

Основанием ответственности контролирующего лица, исходя из текста положений п. 4 ст. 10 Закона о банкротстве, является причинение вреда имущественным правам кредиторов, при данной статье не содержит положение о какой-либо вообще причинной связи между противоправным поведением контролирующего лица и негативными последствиями для кредиторов. Кроме этого, в статье ничего не говорится теперь о вреде, причиненном должнику, о доведении его до банкротства, в том числе, в результате исполнения обязательных указаний контролирующих лиц, — в обновленной норме упоминается исключительно вред, причиненный имущественным правам кредиторов. Означает ли это, что какая-либо связь между поведением контролиру-

¹⁰ Постановление ФАС Центрального округа от 21 июня 2012 г. № Ф03-2413/2012 по делу № А24-1960/2010 // СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ Постановление ФАС Центрального округа от 13 апреля 2012 г. по делу № А50-32551/2009; постановление ФАС Уральского округа от 5 апреля 2010 г. № Ф09-2130/10-С4 по делу № А50-32551/2009; постановление ФАС Центрального округа от 13 апреля 2012 г. по делу № А50-32551/2009 // СПС «КонсультантПлюс».

¹² Постановление ФАС Центрального округа от 13 апреля 2012 г. по делу № А50-32551/2009 // СПС «КонсультантПлюс».

требование о привлечении к ответственности. В противном случае любая сделка, повлекшая негативные экономические последствия, да и просто любое решение, принятое контролирующим лицом в преддверии банкротства, будет автоматически влечь его ответственность. Между тем субсидиарная ответственность по долгам юридического лица вне связи с правонарушением, а в силу правового статуса установлена Гражданским кодексом РФ лишь в строго определенных случаях. Совершение сделки, в том числе в преддверии банкротства, само по себе является правомерным юридическим действием, и недостаточность имущества для удовлетворения требования кредиторов не делает ее автоматически противоправным деянием. В свою очередь, противоправность не может предполагаться. Однако положения Закона о банкротстве в обновленной редакции производят впечатление, что связь субсидиарной ответственности с противоправным поведением по тексту закона не лежит на поверхности.

Отсутствие необходимости устанавливать связь поведения контролирующего лица с наступлением банкротства.

Основанием ответственности контролирующего лица, исходя из текста положений п. 4 ст. 10 Закона о банкротстве, является причинение вреда имущественным правам кредиторов, причем данная статья не содержит положений о какой-либо вообще причинной связи между противоправным поведением контролирующего лица и негативными последствиями для кредиторов. Кроме этого, в статье ничего не говорится теперь о вреде, причиненном должнику, о доведении его до банкротства, в том числе, в результате исполнения им обязательных указаний контролирующих лиц, — в обновленной норме упоминается исключительно вред, причиненный имущественным правам кредиторов. Означает ли это, что какая-либо связь между поведением контролирую-

щих лиц и банкротством должника по новому законодательству не обязательна для привлечения контролирующего лица к субсидиарной ответственности?

Мы можем, таким образом, наблюдать размытие оснований привлечения к субсидиарной ответственности в результате принятия данной редакции Закона. И прежде вызывающий немалое количество споров вопрос об основаниях данного вида ответственности приобрел еще большую неопределенность после изъятия из п. 4 ст. 10 Закона понятия «банкротство по вине». Если в прежней редакции, а также в упомянутых нормах ГК РФ, Законов об АО и об ООО неблагоприятным последствием, лежащим в основании субсидиарной ответственности, названо собственно банкротство юридического лица (пусть ответственность наступала и перед кредиторами, однако привлечение к ней, тем не менее, осуществлялось за вред, причиненный должнику в результате неправомерных действий (бездействия), то по новому закону уменьшение имущественной базы для удовлетворения требований кредиторов выступает достаточным основанием для привлечения к ответственности любого контролирующего лица.

Следует отметить, что в настоящее время некоторые суды делают попытки применять новые нормы по «старой схеме», настаивая на обусловленности привлечения к субсидиарной ответственности доведением должника до банкротства, апеллируя к нормам ст. 56 ГК РФ, устанавливающей необходимость доказать причастность ответственного лица к банкротству¹³.

В то же время вызывают опасения решения, принимавшиеся и до внесения изменений в Закон о банкротстве, в которых суд указывает, что возможность контролировать юридическое лицо является достаточным основанием для заведомого знания о том, что оно обанкротится; например, в постановлении ФАС Уральского округа от 23 мая 2007 г. по

¹³ Постановление ФАС Центрального округа от 13 апреля 2012 г. по делу № А62-4074/2010; от 4 июля 2011 г. по делу № А36-1139/2009 // СПС «КонсультантПлюс».

делу № Ф09-8094/06-С4¹⁴ находим следующую формулировку: «...основное общество имело возможность определять решения, принимаемые дочерним обществом ООО «МСЗ» и контролировать их, следовательно, было осведомлено о возможной несостоятельности ООО «МСЗ»... и следом вывод о вине основного общества в банкротстве дочернего. Аналогичный вывод сделан судами в постановлении ФАС Уральского округа от 24 марта 2005 г. по делу № Ф09-2962/05-ГК¹⁵ (основное общество имело возможность определять решения, принимаемые дочерним обществом — ООО «Литейно-механический завод» — и контролировать их, следовательно, было осведомлено о возможной несостоятельности ООО «Литейно-механический завод»); в Постановлении Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 2 марта 2007 г. по делу № 17АП-1042/2007-ГК¹⁶ (ОАО «С» как основное общество имело возможность определять решения, принимаемые дочерним обществом — ООО «М», и контролировать их, следовательно, было осведомлено о возможной несостоятельности ООО «М») и др.

Подобный подход представляется крайне негативным, поскольку на его основании возможно привлечь любое контролирующее лицо к ответственности за то, что оно — контролирующее лицо, что никак не является решением проблемы. Статус контролирующего лица не может автоматически влечь субсидиарную ответственность при банкротстве должника. Необходимо твердо исходить из того, что основанием ответственности является правонарушение. Возможность привлечения к ответственности должна иметь прежде всего превентивное значение, воздействовать на сознание лиц, в

руках которых находится судьба организации, а в данном случае оно полностью подменяется необходимостью максимального удовлетворения имущественных интересов определенной категории участников процесса банкротства. Такая позиция решительно расходится с предназначением института юридической ответственности.

Очевидно, что рассматриваемые законодательные нормы подразумевают, что само по себе причинение имущественного вреда кредиторам является противоправным, однако корректность такого подхода с точки зрения теории права представляется спорной.

Обязанность контролирующих лиц действовать в интересах должника и кредиторов: установлена ли она!

Противоправным поведением, в соответствии с общей теорией гражданского права, является нарушение обязанности, установленной законом или не противоречащим закону договором, или же нарушение прямого законодательного или обусловленного договором запрета [З. с. 306, 307]. Соответственно, для того, чтобы оценить поведение контролирующего лица как противоправное, необходимо установить нарушение возложенной на него законом обязанности, и в качестве такой обязанности судами предлагается в лучшем случае, обязанность действовать в интересах должника. Между тем все чаще встречаются выводы судов об обязанности контролирующих лиц действовать в интересах не только должника, но и кредиторов. В качестве иллюстрации можно привести постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 11 февраля 2010 г. № 17АП-12819/2009-ГК¹⁷, в котором с

рассуждает об обязанностях руководителей как контролирующих лиц по отношению к должнику, признанному банкротом, и его кредиторам.

ООО «Стройнорд» обратилось в арбитражный суд с требованием о взыскании с ответчиков Ф., Л. — лиц, занимающих должности единоличных исполнительных органов в обществе, — определенной суммы денежных средств солидарно в порядке субсидиарной ответственности в связи с доведением общества до банкротства. Решением суда первой инстанции в удовлетворении иска было отказано. Суд первой инстанции исходил из отсутствия безусловной вины ответчиков как руководителей ООО «Стройнорд» в доведении общества до банкротства. При этом сделал вывод о том, что основной причиной наступления платежеспособности ООО «Стройнорд» и признанием его в дальнейшем банкротом явилось прекращение основного вида деятельности общества после расторжения договоров субподряда, которые были следствием целенаправленной хозяйственной деятельности сообществ — ООО «Стройнорд» и «Уралмостострой» как основного кредитора в рамках дела о банкротстве.

Суд апелляционной инстанции, несмотря на то, пришел к выводу о действии ответчиков вопреки интересам общества. По мнению суда, ответчик Л., торгавший в добровольном порядке доли субподряда, действовал вопреки интересам ООО «Стройнорд» в нарушение ст. 10, п. 3 ст. 53 ГК РФ, что повлекло прекращение хозяйственной деятельности ООО «Стройнорд». Доказано также приобретение ответчиками от имени общества неликвидных векселей, а помимо этого — приобретение долгов по векселям ниже номинальной стоимости переданных векселей. Таким образом, Ф., приобретая долги по цене ниже номинальной стоимости переданных векселей, действовал вопреки интересам общества при этом цессионарию ликвидатора, действовал вопреки интересам ООО «Стройнорд» и в ущерб его кредиторам. По мнению суда, «...при примен

¹⁴ Постановление ФАС Уральского округа от 23 мая 2007 г. по делу № Ф09-8094/06-С4 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁵ Постановление ФАС Уральского округа от 24 марта 2005 года по делу № Ф09-2962/05-ГК // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁶ Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 2 марта 2007 г. по делу № 17АП-1042/2007-ГК // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁷ Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 11 февраля 2010 г. № 17АП-12819/2009-ГК // СПС «КонсультантПлюс».

рассуждает об обязанностях руководителей как контролирующих лиц по отношению к должнику, признанному банкротом, и его кредиторам.

ООО «Стройнорд» обратилось в арбитражный суд с требованием о взыскании с ответчиков Ф., Л. — лиц, занимавших должности единоличных исполнительных органов в обществе, — определенной суммы денежных средств солидарно в порядке субсидиарной ответственности в связи с доведением общества до банкротства. Решением суда первой инстанции в удовлетворении иска было отказано. Суд первой инстанции исходил из отсутствия безусловной вины ответчиков как руководителей ООО «Стройнорд» в доведении общества до банкротства. При этом сделал вывод о том, что основной причиной наступления неплатежеспособности ООО «Стройнорд» и признанием его в дальнейшем банкротом явилось прекращение основного вида деятельности общества после расторжения договоров субподряда, которые были следствием целенаправленной хозяйственной деятельности двух сообществ — ООО «Стройнорд» и ЗАО «Уралмостострой» как основного кредитора в рамках дела о банкротстве.

Суд апелляционной инстанции, между тем, пришел к выводу о действиях ответчиков вопреки интересам общества. По мнению суда, ответчик Л., расторгая в добровольном порядке договоры субподряда, действовал вопреки интересам ООО «Стройнорд» в нарушение ст. 10, п. 3 ст. 53 ГК РФ, что повлекло прекращение хозяйственной деятельности ООО «Стройнорд». Доказано также приобретение ответчиками от имени общества неликвидных векселей, а помимо этого — приобретение долгов по цене ниже номинальной стоимости переданных векселей. Таким образом, Ф., приобретая долги по цене ниже номинальной стоимости переданных векселей, передав при этом цессионарию ликвидные векселя, действовал вопреки интересам ООО «Стройнорд» и в ущерб его кредиторам. По мнению суда, «...при применении

субсидиарной ответственности при несостоятельности (банкротстве) организаций противоправное поведение руководителей этих организаций проявляется в том, что в результате их деятельности часть требований кредиторов остается неудовлетворенной». При этом «...то, что совершение перечисленных сделок нарушает интересы организации и ее кредиторов, руководители обязаны предвидеть, поскольку они входят в органы управления коммерческой организации, имеющей основной целью деятельности получение прибыли (п. 1 ст. 50 ГК РФ)».

Таким образом, в выводах суда прослеживается жесткая позиция в пользу наличия у определенной группы контролирующих лиц — в данном случае руководителей — действовать в интересах не только должника, но и кредиторов, и в качестве самостоятельного основания субсидиарной ответственности таких лиц будет являться нарушение кредиторского интереса. Разумеется, доводы суда относительно того, что руководители обязаны должным образом контролировать финансовое состояние должника и принимать необходимые меры для обеспечения его стабильности и недопущения признаков несостоятельности, являются справедливыми. Обязанности руководителя действовать в интересах юридического лица разумно и добросовестно закреплены в ст. 53 ГК РФ, ст. 71 Закона об акционерных обществах, ст. 44 Закона об обществах с ограниченной ответственностью, и в этих же статьях установлена самостоятельная ответственность руководителя за нарушение данных обязанностей (возмещение компании убытков). Более того, в п. 11 ст. 10 Закона о банкротстве специально указано, что оба эти вида ответственности — ответственность перед компанией за убытки и субсидиарная ответственность перед ее кредиторами — могут применяться независимо друг от друга. Вопрос в том, закреплена ли за руководителями обязанность заботиться об интересах непосредственно кредиторов, чтобы на нарушение этой обязанности можно бы-

ло ссылаться для обоснования причинения им, как потенциальным контролирующим лицом, «вреда имущественным правам кредиторов»?

Данный вопрос возникает и применительно к иным категориям контролируемых лиц, в частности к учредителям (участникам) компании, которые также упоминаются в рассматриваемом постановлении как обязанные по отношению к самому должнику и его кредиторам лица: «...осуществляя свою деятельность, в частности, принимая решения в отношении общества, учредители общества должны действовать в интересах самого общества и его кредиторов. Указанные субъекты, проявляя высшую степень заботливости и осмотрительности, обязаны принимать все меры для надлежащего формирования активов организации и ведения хозяйственной деятельности предприятия, не допускать ухудшения ее финансового состояния».

Между тем едва ли параллельно с внесением изменений в ст. 10 Закона о банкротстве рассматривался вопрос о внесении изменений в общие положения Гражданского кодекса РФ, посвященные юридическим лицам, которые устанавливали бы для учредителей (участников) юридического лица действовать не то что в интересах его кредиторов, а хотя бы в интересах самого юридического лица. В отличие от руководителей, лица, имеющие долю в имуществе организации, не несут такой обязанности и вправе заботиться о собственных экономических интересах. Другое дело, что эти интересы не должны идти вразрез с интересами юридического лица. Однако формулировка п. 4 ст. 10 Закона о банкротстве такова, что предлагает любым контролирующим доказывать, что они действовали именно в интересах должника, что не соответствует правовому положению таких контролируемых лиц, как его учредители (участники).

Мы считаем, что необходимо разграничивать различные категории контролируемых лиц с точки зрения наличия обязанностей по отношению к должни-

ку и (или) его кредиторам. Важно понимать, что отнюдь не для каждого контролирующего лица законно вменение обязанности по осуществлению действий даже в интересах самого должника, и возложение обязанности по доказыванию совершения таких действий применительно к ряду контролируемых лиц представляется некорректным с точки зрения гражданского законодательства. Если обязанность для конкретного лица законом не установлена, то ее невозможно нарушить.

Соотношение норм ст. 10 Закона о банкротстве с нормами гражданского и корпоративного законодательства

Не менее актуальным является вопрос о соотношении рассмотренных норм ст. 10 Закона о банкротстве в обновленной версии с продолжающими действовать нормами ст. 56 ГК РФ, ст. 3 Закона об акционерных обществах и ст. 3 Закона об обществах с ограниченной ответственностью. Можно ли говорить о появлении в законодательстве альтернативной нормы, позволяющей привлечь к ответственности, по сути, тех же самых лиц?

Отсутствие каких-либо изменений в нормах ГК РФ и законах о хозяйственных обществах касательно того же вида ответственности дает основания полагать, что речь теперь идет о разных возможностях по самостоятельным основаниям, несмотря на то, что судебная практика признает на данный момент все то же прежнее основание, в отличие от других формулировок. Очевидно, что для кредиторов предпочтительнее опираться напрямую на ст. 10 Закона о банкротстве, устанавливающую ответственность за вред, причиненный имущественным интересам и одновременно презумпцию неразумности и недобросовестности контролируемых лиц. Однако можно предположить, что привлекаемое к ответственности лицо вправе апеллировать к положениям норм

Закона об акционерных обществах и Закона об обществах с ограниченной ответственностью, согласно которым субсидиарная ответственность наступает в случае банкротства организации по вине такого лица. Более того, указанные нормы устанавливают, что «...несостоятельность (банкротство) общества считается вызванной действиями (бездействиями) его акционеров или других лиц, которые имеют право давать обязательные для общества указания либо иным образом имеют возможность определять его действия, только в случае, если они использовали указанные право и (или) возможность в целях совершения обществом действия, заведомо зная, что вследствие этого наступит несостоятельность (банкротство) общества». В основе правонарушения (доведения до банкротства) лежит не просто вина, а доказанное заведомое знание о наступлении банкротства. Скорее всего, в данном случае суд не примет во внимание подобные доводы, поскольку нормы ст. 10 Закона о банкротстве отныне не коррелируют с нормами законов о хозяйственных обществах: если ранее это была, по сути, одна и та же норма, то теперь приходится признать, что появилась новая, более эффективная для кредиторов, норма, а первоначальная, хотя и остается действующей, но, вероятно, фактически на нее не будут ссылаться при попытке привлечения к субсидиарной ответственности, что и происходит, поскольку начиная с 2009 г. практика по указанным нормам корпоративного законодательства сошла на нет, несмотря на то, что нормы сохраняют силу.

Очевидно, что налицо несогласованность вновь принятых норм законодательства о банкротстве и действующих норм гражданского (корпоративного) законодательства. Необходима определенность в вопросе о том, как соотносятся между собой основания привлечения к субсидиарной ответственности в названных нормах: имел ли законодатель в виду, что отныне существуют два самостоятельных основания для привлече-

Закона об акционерных обществах или Закона об обществах с ограниченной ответственностью, согласно которым субсидиарная ответственность наступает в случае банкротства организации по вине такого лица. Более того, указанные нормы устанавливают, что «...несостоятельность (банкротство) общества считается вызванной действиями (бездействием) его акционеров или других лиц, которые имеют право давать обязательные для общества указания либо иным образом имеют возможность определять его действия, только в случае, если они использовали указанное право и (или) возможность в целях совершения обществом действия, заведомо зная, что вследствие этого наступит несостоятельность (банкротство) общества». В основе правонарушения (доведения до банкротства) лежит не просто вина, а доказанное заведомое знание о наступлении банкротства. Скорее всего, в данном случае суд не примет во внимание подобные доводы, поскольку нормы ст. 10 Закона о банкротстве отныне не коррелируют с нормами законов о хозяйственных обществах: если ранее это была, по сути, одна и та же норма, то теперь приходится признать, что появилась новая, более эффективная для кредиторов, норма, а первоначальная, хотя и остается действующей, но, вероятно, фактически на нее не будут ссылаться при попытке привлечения к субсидиарной ответственности, что и происходит, поскольку начиная с 2009 г. практика по указанным нормам корпоративного законодательства сошла на нет, несмотря на то, что нормы сохраняют силу.

Очевидно, что налицо несогласованность вновь принятых норм законодательства о банкротстве и действующих норм гражданского (корпоративного) законодательства. Необходима определенность в вопросе о том, как соотносятся между собой основания привлечения к субсидиарной ответственности в названных нормах: имел ли законодатель в виду, что отныне существуют два самостоятельных основания для привлече-

ния контролирующих лиц к ответственности? Если да, то возможно ли их параллельное применение или должен быть установлен формальный приоритет? Очевидно, что приоритет в любом случае будет за нормами законодательства о банкротстве как специальными нормами, но тогда остается открытым вопрос: можно ли говорить об утрате необходимости в нормах, устанавливающих субсидиарную ответственность за виновное доведение до банкротства? По сути, эти нормы будут вытеснены нормами закона о банкротстве, устанавливающими более благоприятный режим для кредиторов.

* * *

Цель повышения эффективности норм о субсидиарной ответственности в определенной степени достигнута при рассмотренном варианте развития законодательства о банкротстве: порядок привлечения к ответственности существенно меняется, и возможности кредиторов взыскать вложенные денежные средства значительно расширяются. Однако у такой эффективности есть и обратная сторона: в целях увеличения конкурсной массы не может выступать в качестве основного средства юридическая ответственность. Институт ответственности в праве призван служить иным целям, имеющим отношение, прежде всего, к самому лицу, привлекаемому к ответственности. Разумеется, гражданско-правовая ответственность обладает и компенсационной функцией и установлена в первую очередь в интересах кредитора, однако и в этом случае ответственность неразрывно связана с совершением должником определенного нарушения — в частности, нарушение обязательств перед кредитором. Привлечение к ответственности иных, помимо основного должника, лиц, должно иметь веское основание, каким раньше выступало доведение этими лицами должника до банкротства, являющееся, несомненно, противоправным деянием. Если же привлечение к ответственности никак не зависит от правомерности или противо-

правности поведения контролирующего лица, это является тревожным признаком. Каждый субъект должен четко осознавать, за что конкретно подлежит юридической ответственности, в том числе имущественной (речь может идти о достаточно крупных суммах), а при наметившейся тенденции опускать вопрос о противоправности можно дойти до того, что все учредители (участники), а заодно и руководители отвечают в субсидиарном порядке по долгам юридического лица независимо от его организационно-правовой формы.

На наш взгляд, достижение эффективности юридической ответственности возможно в том случае, если не нарушается баланс интересов как кредиторов, так и самих потенциально ответственных лиц. В противном случае эффективность ответственности будет подменена эффективностью взыскания денежных средств в пользу кредиторов. Введение норм, ужесточающих положение контролирующих лиц, должно в обязательном порядке влечь и параллельное установление определенных защитных механизмов для таких лиц. Только в этом случае ответственность можно будет считать эффективной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Соколов П. Ответственность контролирующих лиц организации-должника при банкротстве // Корпоративный юрист. — 2010. — № 11 // СПС «КонсультантПлюс».
2. Емельянцева В.П. Субсидиарная ответственность по обязательствам страховой организации как средство защиты интересов кредиторов // Журнал российского права. — 2011. — № 1 // СПС «КонсультантПлюс».
3. Гражданское право. — В 4-х томах. — Общая часть: учебник (том 1) / под ред. Е.А. Суханова. — М.: Волтерс Клувер, 2008.

Пирогова Е.С., Жукова Ю.Д. Обеспечение эффективности правового регулирования субсидиарной ответственности контролирующих лиц: перспективы развития законодательства о банкротстве

Pirogova E.S., Zhukova Yu.D. Ensuring effectiveness of legal regulation of controllers' subsidiary liability: prospects for development of insolvency legislation

Аннотация

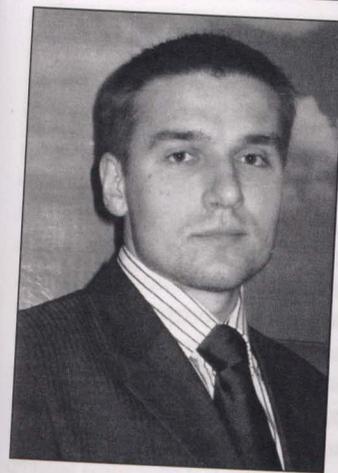
В статье анализируется развитие правовых норм, устанавливающих субсидиарную ответственность контролирующих лиц при банкротстве хозяйствующего субъекта и невозможности удовлетворить требования кредиторов. Исследуются вопросы об основаниях ответственности контролирующих лиц о содержании правонарушения, совершаемого контролирующими лицами, соотношении норм, устанавливающих субсидиарную ответственность.

Abstract

The subject matter of the present article is the analysis of development of legal rules laying down the controllers' subsidiary liability in case of business entity's insolvency and its inability to satisfy creditors' claims. The article covers the issues concerning the grounds of the controllers' liability, the content of the offence committed by the controllers, the correlation of the legal rules laying down subsidiary liability.

Ключевые слова: контролирующее лицо; банкротство; субсидиарная ответственность; имущественные права кредиторов; добросовестность разумность.

Keywords: controller; insolvency; subsidiary liability; proprietary rights of creditors; good faith and reasonableness.

Андре
ОБ
НЕД
ЮР
ЛИ
ГОС
ЮР

Причины, по которым юридическая ответственность (становится недействующей) действительности такие юридические схемы (некоторые из них) достигают заданной цели становятся

Арбитражная практика по спорам, связанным с исключением недействующих юридических лиц из Единого государственного реестра юридически (далее — ЕГРЮЛ), в качестве исключения такого юридического лица выявила также и корпоративный конфликт. В данном случае противостоят стороны, разрешая споры в сфере контроля над управлением хозяйством обществом в судебном порядке, не имея возможности (либо не уделяют должного внимания) отчитываться перед ответственными государственными органами, а также осуществлять какую-либо экономическую деятельность.

В силу сложной процедуры ликвидации юридического лица, многие фирмы остаются брошенными своими учредителями, и в результате ЕГРЮЛ перестал отражать реально существующих и действующих субъектов экономической деятельности и стал перегруженным «мертвыми душами» [1].

В соответствии со ст. 21.1 Федерального закона от 8 сентября 2001 г. № 127-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуал